

С музыкальными пальцами на ногах...

2

Спесивцев Веражк. — 1995. — № 1. — С. 2-3

Писание актерских портретов — занятие неблагодарное. Актер — он ведь там, по другую сторону рамп. Его жизнь и смерть, любовь и ненависть, смех и слезы — чьи они на самом деле? Где проходит грань между живым человеком и созданными, сыгранными — да что там, если по большому счету, то прожитыми им образами?

Решив познакомить вас с одним из ведущих актеров Экспериментального театра Александром Дмитриевым, мы попросили написать о нем не критика, не журналиста, а человека, который каждый день видит его по обе стороны рамп. Его друга и коллегу Олега Медведникова.

Вечером сидим у Сашки в комнате, пьем пиво. Саня перебирает гитарные струны: «Музыканты сложили смычки, экипажи к подъезду». За окном темнеет — в самом деле, пора и по домам, завтра репетиция. Сашке проще — он живет прямо в театре. Родом из Липецка, окончил Щепкинское

училище, осел в Москве. Театр — и работа, и дом, и роли.

Не могу ни восхвалять, ни критиковать сашины роли, поскольку не критик я, да и не зритель — со стороны зала смотрю на него редко. Зато часто вижу его работу изнутри, как актер, получая огромное удовольствие от совместного творчества.

«Библия». Моисей

«Наш дом». Лектор ГО

В театре Саша появился в 1989 году, поразив всех чисто русской колоритной внешностью: пышные черные усы, густой бас — не то Илья Муромец, не то Соловей-Разбойник... пожалуй, нечто среднее. Симбиоз. Мужчины театра резко ощутили комплекс неполноценности: все актрисы — его, да и зрители тоже.

— Я тоже хочу с вами выпить... от моей не откажется? — вопрошал он меня на сцене, играя Черноуса в «Москве-Петушках». Какое там «откажусь»! Да в зрительном зале любой был бы счастлив разделить с ним с трудом по талонам добытую четвертинку. Дебют был хорош...

Потом, неожиданно для всех, Илья Муромец сбрил бороду, укоротил волосы, натянул на голову драповую кепочку и в одно прекрасное утро встретил нас в театре преобразенный, открыто и чуть смущенно улыбаясь во весь рот. На наши вопросы типа «Что это с тобой?» весело отвечивал: «Имидж сменил».

Имидж оказался ни при чем. Просто новая роль — Осоргин в «Архипелаге ГУЛАГ». Один из миллионов заключенных, расстрелянных в лагерях, да и в спектакле далеко не первая смерть, а мы бегали за кулисы смотреть сцену прощанья Сашина персонажа с женой. Стоя босиком в нижнем белье на морозе (Соловки), Осоргин протягивает жене, приехавшей его навестить, теплые вещи: «Забери, детям пригодится... А мне потом выдадут в санчасти». Зная, что сразу после прощания его расстреляют. Как-то актер, отдававший приказ о расстреле, решил пошутить: «У вас очень музыкальные пальцы... на ногах». Саша улыбнулся. Так и расстреляли Осоргина улыбающимся. Зрители плакали. У нас — мурашки по коже.

1991 год. Наш театр — самый бородатый в Москве. Ставим Библию. У всех, как всегда, по несколько ролей. Самая бородатая борода — у Дмитриева. Саша — Исаак, отец Иакова. Он же и Моисей. Да, такой мог вывести народ из Египта. А вот Петр долго не получался. Центральный момент роли — покаяние. Саша протягивает руки зрителям: «Покайтесь во имя Господа нашего Иисуса». Мы все вслед за Петром протягиваем руки. Кто-то в зале встает, пожимает их, кто-то откровенно, с ненавистью хохочет... «Спасайтесь от рода сего развращенного, — говорит Александр словами Библии. — Не предадимся мы похоти вместе с вами». Вот так прямо и сказать, в глаза людям? Чтобы каждого тронуло, до каждого дошло? Он же актер, не пророк...

Занавес, аплодисменты. «Браво! Браво, Моисей! Браво, Петр!» Браво, Саня.

...Сенсация — Сашка уходит из театра. Едет с кем-то на гастроли в Канаду и... остается. Вот-те на, Саня — канадец!

Месяца через три сижу в гостях у общих друзей. Звонок. «Алло! Сашка?! Ты откуда?» — «Я из Виннипега. Почем в Москве пиво?»

Ну, и как после этого он мог не вернуться?

После года отсутствия снова сидим за соседними столиками в гримерке. Тот Сашка, да не тот. Остепенился, повзрослел, женился. Репетируем «Рокера». Говорят, режиссер должен умереть в актере. А если наоборот? В этом спектакле Саня «умер» в режиссере, Юрии Васильевиче, центральном персонаже. Писал его Спесивцев явно с себя, а окрестил в честь Любимова и Эфроса. Не хило в таком умереть, а? Только Дмитриев, «умерев» — зажил. И еще как! На репетициях, как всегда, ухватив идею хоть на мгновение, да раньше нас, спорит не только с персонажами, но и с самим мэтром. Чувствует, одним словом, этот чувственный поток. Хорошо ему — у него даже пальцы на ногах музыкальные. И мы, хоть ты тресни, чувствуем этот поток вместе с ним.

Пока делался номер, кончился отпуск. И снова — ничего себе, новость. Сашка опять уходит. В какой-то другой театр. Все, натурально, в шоке. Что делать? Срочно кого-то вводить? А мне, с этими заметками?

Подумал и решил — ничего менять не буду. Куда ж он от нас денется? Из нашего театра не уходит. Где бы он ни играл, куда бы ни заносила его судьба — навсегда останется Сашка актером Спесивцева. Как и все мы.

До свидания, Сашка.

«Последний рокер». Селим — Виктор Гунин

